

В доме пахнет яблоками. В доме,
сложенном из глины и камней,
тем сильнее надо греть ладони,
чем темнее мир и холодней.

Кто сидит над чашкой, кто над чаном,
погружая ноги в белый пар,
кто, закрывшись в плед, читает чадам,
чтобы ночью каждый крепче спал.

Кошка на шкафу лежит в истоме,
вечно в полусне – ни бе, ни ме.
В доме пахнет яблоками – в доме,
выросшем когда-то на холме.

Окна, уподобившись полотнам,
дышат и колеблются едва.
В них – просторы в мареве болотном,
жухлая осенняя трава.

Кажется, что и в лесу косматом,
чья полоска вдалеке видна,
все пьяны чудесным ароматом
теста, яблок, терпкого вина.

И медведи раздувают ноздри,
и олени смотрят через лес,
и пернатый клин повис, как ножны,
на боку темнеющих небес.

В кухне жарко и ужасно тесно,
тонко вьётся стружка кожуры,
дольками становятся и в тесто
падают зелёные шары.

И во всём большом и тёплом доме,
что вступает в холода и тьму,
в кабинете, в детской, в коридоре
чутко внемлют таинству тому.

Внемлет дом, плывущий над планетой,
как свеча, с которой через падь
двигается тот, кто ночью этой
отчего-то вынужден не спать.

Внемлет вечный космос, отовсюду
приникая к окнам, где уют,
где в столовой достают посуду,
где пирог из печки достают –

в доме, что всегда немного набок,
ибо совершает оборот
вкруг звезды, неся дыханье яблок,
зябкий сад и марево болот.

* * *

Хвостом ударит рыба в озере,
метнётся ветер охладельй.
Не мы причина этой осени,
до срока вторгшейся в пределы.

Не мы источники и авторы
неодолимой зябкой смуты,
мы каждым деревом оправданы,
чьи сны не нами были сдуты.

Но мы ваганты онемения
и летописцы угасанья,
нечаянно, но, тем не менее,
имеющие к ним касанье.

Пуста проулка переносица,
мир по сезону неприкаян.
Лист за листом летит, проносится,
мы каждый щедро нарекаем.

Они закружены, заверчены,
прошиты Солнцем и Селеной.
Есть что-то общее в инерции
любого тела во Вселенной –

от мощных центров излучения
до межпланетной чечевицы.
Во всём какое-то значение,
и мы не просто очевидцы.

Сильнее кутаются в городе,
езде стремятся утеплиться.
Не мы источник зябкой горечи,
перекосившей эти лица.

Но мы свидетели сгорания
холстов, что дивно колоритны,
предугадавшие заранее
и фабулу, и алгоритмы.

И мы старатели задумчивой реки,
чья песнь неповторима:
всю жизнь записывай, заучивай,
но все попытки будут мимо.

В ней блики плещутся и отзвуки,
струясь от самого истока
до устья этой славной осени,
в пределы вторгшейся до срока.

Как много жёлтого и белого!
Мы погружаемся в пространство
не в поисках иного берега,
а чтоб на месте не остаться.

Там – тайны жизни неизученной,
просторы в скважине замочной...
За всё, что встретим за излучиной,
благодарим Тебя заочно.

* * *

Время закончилось, формы оплыли,
в землю втянулись холмы.
Дремлют дома из спрессованной пыли.
Десять минут до зимы.

Двери вросли, потеряв очертанья,
снами заилено дно.
Холод сквозь парк пробирается тайно,
всеми замечен давно.

Птицы над нами, и тучи, и листья,
бледное вымя Луны.
Тени пространства торопятся слиться,
непостижимо длинны.

Шарики в ветках – проколоты, сдуты.
Спят под водой погребя.
Тихо плыву на обломке минуты,
стрелкой секундной гребя.

Небо потрескалось, формы просели,
пустоши – в первом снегу.
Время до цели узнаю у цели,
если добраться смогу.

Лёгкая птица на голову села,
рыба коснулась ступни.
Как бы здесь ни было сыро и серо,
всё-таки мы не одни.

Пусть напролёт всю неделю и даже
далее этих семи
датчик твердит: ситуация та же –
десять минут до зимы.

Даже когда переулки белёсы
и продолжения нет –
в мареве дня воспаряют берёзы
и претворяются в свет.

* * *

По некоторым признакам уже
среда, и если б только это как-то
меняло жизнь на нашем этаже,
где атмосфера вечного антракта, –

то даже в этом случае едва ль
я пил бы кофе чуть быстрее, имея
расчёт нащупать нужную педаль
и выбрать путь короче и прямее.

Что будет, то само придёт сюда –
в кафе, в котором сонно и в котором
по некоторым признакам – среда,
ничуть не тяготящая повтором;

сюда, где малоллюдно, несмотря
на близость туристических диковин,
бледнеющих в дыханье ноября –
они плывут, и мы их не догоним.

Они идут, как лодки иль плоты,
по времени – к неведомым заставам,
чей свет порой сквозит из темноты,
но чей приход мы явно не застанем.

Он сам сюда придёт, придёт сюда –
в холодный мир, в потоки водной пыли,
где чёрный парк и тусклая слюда,
где, как казалось, мы когда-то были.

И тень в окне, в потоке бытия
мучительно взыскующая центра,
по некоторым признакам не я,
но это субъективная оценка.

Бегут по стёклам, тают рубежи.
Дождь на скамье читает томик Сартра.
Подсядь к нему, мой друг, и расскажи
о планах на сегодня и на завтра,

и, если вспомнишь, то и на вчера.
А мне, на вас взирающему немо,
по некоторым признакам – пора,
хотя и это – только теорема.

Пора на север – это там, вдали;
и свой этаж я назову теперь вам:
он пятый – если счёт вести с земли,
а если с неба – я живу на первом.

* * *

Среди немых и вздыбленных коряг,
когда уходит солнце, обагрив,
за неимением водки пью коньяк
и спотыкаюсь, пробегая гриф.

За неимением сна смотрю окно.
Там так темно и сыро потому,
что, вероятно, это всё же дно,
а если так – уже не потону.

Сигнала нет. Антенны съела ржа.
На проводах повис аэростат.
И многие, от сырости дрожа,
довольно скоро жабры отрастят.

И чем их упрекать в неправоте,
уж лучше спать, не размыкая век.
Но я не сплю – гадаю по воде:
мне выпадет, по всем приметам, снег.

Он выбелит, всего себя раздав,
живейшую из видимых планет,
и это, в общем, будет неспроста
в условиях, когда сигнала нет;

когда в тягучей зыбкой пелене
знакомо всё (не в этом ли подвох?) –
и лишь через слова даётся мне
всё то, что нужно, чтобы сделать вдох.